

Чертог Ганьлу был тих, в нем царил особая атмосфера. Евнух Цинь, как всегда, молчаливо улыбался, а Ин Цань выполнял любую просьбу Бай Цзыцина. Слухи по дворцу разлетелись за пару дней, и уже говорили, что на утреннем приеме Бай Шу наконец-то выглядел бодрым.

Вероятно, потому что приближалось второе число.

Во второй день месяца, согласно традиции, установленной покойным императором, Ин Цань должен был отвезти Бай Цзыцина в храм Цзиньхуа для молитв.

Эта «традиция» не была унаследована от предков императорской семьи, она была создана исключительно для Бай Цзыцина. Никто другой не удостоивался такой чести. Это было обещание, данное покойным императором девятнадцать лет назад.

Рождение Бай Цзыцина во многом было связано с храмом Цзиньхуа, который славился своими благовониями и был известен далеко за пределами царства Ин. Принцесса Чанпин и покойный император заключили соглашение: после заключения брачного договора они вернутся в храм Цзиньхуа, чтобы вознести благодарность. Император согласился и издал указ, подтверждающий его искренность.

Такая щедрость императора заслуживала восхваления. Еще до того, как Ин Цань взошел на трон, люди уже начали ждать этого события, и почти вся столица знала о нем. Во второй день месяца все жители выходили на улицы, чтобы посмотреть на это зрелище. С самого утра главная дорога, ведущая к храму Цзиньхуа, была заполнена людьми. Ин Цань и Бай Цзыцин выехали из дворца в одной карете, сопровождаемые десятками людей, но им все равно не удалось пробиться сквозь толпу.

Проведя предыдущую жизнь за стенами дворца, Бай Цзыцин после перерождения с особой теплотой вспоминал те дни, которые он провел в своем доме. Мысль о том, что он скоро увидит свою семью, подняла ему настроение, и он не обращал внимания на шум толпы за окном. В руках он держал книгу, настолько увлекшись чтением, что не хотел отрываться от нее.

Ин Цань, закрыв глаза, сидел спокойно некоторое время, затем приподнял занавеску и посмотрел наружу. После этого он приказал евнуху Циню выбрать более тихую дорогу.

Карета, выехавшая из дворца, была удобной и плавно двигалась. Когда она остановилась, Бай Цзыцин даже не сразу это заметил. Зато Ин Цань бросил ему что-то, что упало прямо на страницу книги.

Бай Цзыцин поднял предмет пальцем, с легким укором. Эта вещь была ему хорошо знакома — это была шляпа с вуалью, которую Сувэнь когда-то настойчиво просил увидеть на нем.

— Карета, вероятно, дальше не проедет, пойдем пешком, — сказал Ин Цань, сидя рядом и показывая, чтобы он надел шляпу.

В карете было несколько таких шляп. Бай Цзыцин, нахмурившись, надел ее на голову и с недовольством спросил:

— А ты почему не надеваешь?

Через тонкую белую вуаль Бай Цзыцин увидел, как Ин Цань спокойно ответил:

— Подданные знают, кто я. Мне это не нужно.

— Они тоже знают, кто я, с самого моего рождения. Почему я должен носить это?

— Без причин, — за него ответил кто-то за пределами кареты, приподнимая занавеску. — Ты мой человек.

...Опять эти слова.

Бай Цзыцин хотел спросить, может ли он хотя бы изменить фразу. Такая сильная собственническая ревность — это болезнь. Хорошо, что его зовут Ин Цань, если бы это был кто-то другой, он бы каждый раз бил его.

Под лучами сентябрьского солнца Ин Цань крепко держал его за руку, проходя через толпу.

Бай Цзыцин изо всех сил пытался высвободиться, и несколько раз ему почти удавалось, но каждый раз его снова ловили.

Они шли гораздо быстрее, чем двигалась карета, и вскоре поднялись по ступеням храма. Монахи из храма Цзиньхуа уже ждали их.

— Ваше Величество, господин, пожалуйста, сюда.

Ин Цань во многих отношениях был достойным императором. Даже когда он выходил с Бай Цзыцином, он не запрещал простым людям посещать храм. Он окружил себя лучшими бойцами, которые скрывались в толпе. Десятки охранников не перекрывали вход в храм, а просто следовали за ними, внимательно наблюдая за окружением.

Бай Цзыцин даже не взял с собой Сяо Цзю. Поскольку он и Ин Цань должны были молиться в разных залах, и посторонним туда было запрещено входить, Ин Цань настаивал на том, чтобы ждать его у входа, несмотря на все уговоры.

— Разделимся, так будет быстрее.

— Нет.

— ...Не буду с тобой спорить.

Бай Цзыцин, не обращая на него внимания, развернулся и ушел. В зале его ждал наставник Хуэйань. Когда Бай Цзыцин закончил подношение благовоний и почтительно поклонился, пожилой монах, которому было уже за семьдесят, медленно открыл глаза и заговорил с ним.

— Помните: Небо одарило вас великой милостью, и это далось вам нелегко. Цените это.

Голос старого монаха был глубоким и резонирующим, а акустика в зале была отличной. Бай Цзыцин растерялся, не понимая, говорил ли монах об Ин Цане или о его судьбе, связанной с перерождением.

Бай Цзыцин провел с наставником Хуэйань в этом маленьком зале довольно много времени.

Ин Цань ждал его во дворе под деревом падуба, пока скрип двери не разбудил его от задумчивости. Бай Цзыцин вышел, держа в руке шляпу с вуалью. Их взгляды встретились, и оба замолчали.

Ин Цань был удивлен. Он редко видел такое выражение на лице Бай Цзыцина: немного тревожное, немного растерянное. Как у ребенка, который потерял направление. Его запястье

было очень тонким, но, казалось, он приложил все силы, чтобы удержать шляпу, даже вены на тыльной стороне руки выступили, и она слегка дрожала.

— Цзыцин, — без колебаний произнес Ин Цань. — Цзыцин, иди сюда.

— О... зачем? — Бай Цзыцин наконец очнулся. Он подошел к Ин Цаню, но машинально обернулся.

Наставник Хуэйань не вышел. Когда Бай Цзыцин обернулся, дверь была полуоткрыта, и он мог лишь смутно разглядеть мерцание свечей внутри и естественно свисающие рукава монашеской одежды. Спина пожилого человека была особенно худой, и, когда он стоял неподвижно, он напоминал старое дерево.

Наставник Хуэйань рассказал ему историю о Дао и душе:

— ...С теми, кто блуждает в тумане, боится трудностей, погружен в мирские заботы и выражает свои чувства в стихах, нельзя сравнивать. Однако Путь может быть глубоким или поверхностным, и ценность его различна, но не все можно понять.

— Что вы имеете в виду, наставник?

Хуэйань лишь кивнул ему, с мирным выражением лица:

— Все ясно, нет жизни и смерти, все уже свершилось. Надеюсь, вы не будете настаивать на своем.

Бай Цзыцин слушал, не понимая, пока не вышел из зала. Он ждал, когда Ин Цань выйдет, чтобы встретиться с ним, и они вместе вернулись в переулок, где их ждала карета. Он все еще был в раздумьях. В прошлой жизни он помнил, что наставник Хуэйань не говорил ему ничего подобного. Что же значит «не настаивать»?

Разве все, что он сделал после возвращения, было настойчивостью?

Это чувство, будто он ищет в своей голове нить, за которую можно ухватиться, чтобы получить озарение, не давало ему покоя. Он только сейчас понял, что Ин Цань все это время пристально смотрел на него.

Бай Цзыцин с легкой досадой произнес:

— Ин Цань.

— М?

— Почему ты смотришь на меня?

— Я ждал, когда ты это заметишь и спросишь меня таким тоном, — Ин Цань тихо рассмеялся.

— Я все еще не понимаю, почему ты так со мной поступаешь, ведь мы знакомы всего несколько дней.

Бай Цзыцин подумал, что это полная чушь. В прошлой жизни они были связаны друг с другом более десяти лет, и он уже давно видел все его уловки. Он нашел окольный путь, чтобы объяснить:

— Наставник Хуэйань сказал, что об этом нельзя говорить.

Брови Ин Цаня внезапно приподнялись:

— Тогда мы не поедem в дом Бай, вернемся прямо во дворец.

— Ты...! — Бай Цзыцин понял, что этот человек либо не разговаривает с ним, либо просто дразнит его, создавая проблемы. — Ты так же поступаешь с Фан Цзином? Угрожаешь, соблазняешь, настаиваешь на своем?

Ин Цань быстро ответил:

— Юньхуа отличается от тебя.

— Конечно! Он и я — мы разные! — Потому что... потому что... ты не хочешь его смерти.

Бай Цзыцин изо всех сил сдержался, чтобы не произнести последнюю фразу. У Фан Цзина не было ни семьи, ни связей, и во всем дворце он был самым свободным, но и самым ненавистным. Теоретически, такие люди, как Юань Синь, могли бы расправиться с ним незаметно, но он был самым красивым и самым любимым человеком Ин Цаня. Бай Цзыцин когда-то действительно думал, что у него нет никаких уловок, но...

Он покачал головой, прерывая свои размышления. За занавеской кареты он увидел знакомую улицу, ведущую к дому Бай. Они были всего в нескольких сотнях метров от дома, когда карета внезапно остановилась.

<http://bllate.org/book/16479/1496779>